Ночное небо над имперской столицей было чистым: ни звезд, ни луны.

Мириады огней на земле мерцали столь ярко, что картина города ничем не отличалась от дня. Словно никто и не видел таинственных изменений в бескрайнем небе или глубокой тьмы, окутавшей его.

На крыше главного здания поместья небесного монарха, полу-подогнув под себя ноги, сидел человек и подливал себе в рот вино из кувшина.

Подобная манера питья приносила крайнее удовольствие, и запах спирта, сильный, грубый и резкий, при этом расходился во все стороны. Вино, местный продукт с севера континента, называли “Горящим Ртом”. Ингредиенты его собирались недоспелыми, отчего вкус становился сильным, а сам напиток легко загорался при контакте с пламенем. Солдаты низкого ранга обычно использовали его, чтобы подавить зимний холод или промыть свои раны.

Вторая фигура тихо появилась на карнизе напротив первой, но никто во всей резиденции не был встревожен её появлением.

Чжан Боцянь допил последнюю каплю алкоголя, прежде чем бросить кувшин вниз, на землю, и посмотрел на гостя.

По возвращению в резиденцию монарх накрыл своим восприятием весь город. Однако он всё равно обнаружил, что Ситана здесь больше нет. Другие, возможно, не почувствовали бы произошедшего, но правитель всей столицы не мог этого не заметить. После Чжан Боцянь не отправил в Дворец Бесконечности ни малейшего объяснения, и сам император не стал отправлять людей расследовать его.

Тем не менее, вскоре он прибыл лично.

Двое весьма долго не обменивались ни словом.

Чжан Боцянь был неподвижен, как древний дуб, его аура была лишена обыденной резкости и ничем не отличалась от присутствия простого человека. Сияющего Императора, казалось, окутывали величие и тайна, словно он был един с бескрайними горами, реками и самой землей. Они оба выросли после битвы у Тайного Дворца.

Его Величество со вздохом сел:

– Учитель ушел.

Благодаря своему пониманию Линь Ситана император сразу до всего догадался, стоило восприятию Чжан Боцяня охватить всю столицу. Он хорошо следил за своими подданными и, разумеется, прекрасно мог судить о главных должностях и кадрах. И всё же он не обнаружил ничего плохого. Ни один из разведчиков или шпионов не сообщил ничего необычного.

– Он никуда конкретно не ходил и вестей также не оставил. Просто ушёл, – император звучал немного растерянно, почти как ребёнок, который, разлучившись с родителями, не знал, что делать.

В этот момент двое ясно поняли, почему Линь Ситан из Палаты Прорицания отправился прямо в резиденцию небесного монарха: в тот момент, когда пропажа премьер-министра будет подтверждена, последнее место его пребывания будет строго расследовано. Единственной частью столицы, пребывание в которой никому ничего не осложнит, был дом Принца Зелёное

Солнце.

Чжан Боцянь молчал. Он только слушал и даже не оставил комментария на тот факт, что его использовали в качестве щита.

Сияющий Император прикрыл глаза рукой и сказал с кривой улыбкой:

– Никто никогда не мог изменить его мнения, когда он решался на что-либо.

Под конец его голос стал мрачным и даже несколько хриплым:

– Все выгоды ничтожны перед будущим человеческой расы. Если на то потребуется, даже эта империя не обязательно должна будет существовать. И всё же есть миллионы людей, столь много знатоков и экспертов по прорицанию. Почему жертвой не может быть кто угодно, почему это должен быть он?

– Учитель спас бесчисленное множество сирот и поднял бесчисленное множество гениев к величию, но был ли он когда-либо искренен? Как он может ожидать, что его друзья станут безучастно смотреть за тем, как он становится шахматной фигурой в своей же игре, как он каждый раз подвергает себя опасности?

Ближе к концу Сияющий Император уже скорее бормотал себе под нос. Чжан Боцянь же смотрел на линию горизонта, положив одну руку на колено, а другую свесив на подол крыши. Кто знает, слышал ли он сказанное или нет?

После того, как император закончил говорить, на крыше на мгновение воцарилась тишина. Наконец, её нарушила насмешка небесного монарха:

– Слишком много “как” и “почему”. Единственная причина, из-за которой человек не может устанавливать правила, заключается в том, что у него на то нет силы – вот и всё.

Чжан Боцянь встал с мрачным видом:

– Пустота за пределами Континента Цинь была перекрыта?

На небе не было видно ни звезд, ни пояса астероидов, ни двух лун. Естественно, это не было результатом движения континента по его траектории или толстыми слоями облаков. Это была визуальная аберрация, вызванная полем изначальной силы, которое воздвигли флот тёмных рас и их эксперты.

Сияющий Император также встал:

– Да, Императорский Дядя Линьцзян только что вернулся в столицу, – в этот момент его лицо лишилось всяких эмоций. В нём не было ни намёка на дрожь или замешательство.

– А как насчет других континентов?

– Они столкнулись с некоторыми испытывающими атаками накануне заката. Небесные монархи сами проконтролируют свои места.

Даже произносить эти слова не было смысла. Они оба очень хорошо понимали, что нынешний мир на Континенте Цинь был временным, ибо здесь и состоится кульминация Кровавых Похорон.

После недолгой паузы Сияющий Император не удержался и сказал:

– У искусства Тайны Небес не должно возникнуть проблем с экспертами до царства великого тёмного монарха…

В конце концов, пустота не была похожа на континенты. Блокада в огромном пространстве могла остановить флот Лорда Линьцзян, но не давала каких-либо гарантий на защиту от прохода маленького судна. Если бы форпосты в пустоте были водонепроницаемы, самого бы понятия “контрабанда” тогда не существовало.

Чжан Боцянь оглянулся и спокойно ответил:

– Избежать взгляда темных монархов – тоже не проблема. Лишь Священная Гора…

Сияющий Император почувствовал холодок на сердце, стоило его взгляду коснуться глаз Чжан Боцяня, пускай выражение лица последнего и было спокойно, а также лишено малейших колебаний. Принц Зелёное Солнце явно не имел в виду нечто вроде проекции Паучьей Королевы, с которой он сам недавно столкнулся.

Небесный монарх сказал:

– Поскольку незваные гости уже стоят у дверей, почему вы не отдали приказ сражаться, Ваше Величество?

Император на мгновение отвлекся. Гражданская жизнь в столице Империи казалась нормальной, но весь Континент Цинь был мобилизован на высшем уровне, каждая из зон военных действий могла быть брошена в бой в любое мгновение. Но Чжан Боцянь предлагал ему выйти и напасть лично?

Следующие слова небесного монарха подтвердили, что император правильно его понял:

– Поскольку Кровавые Похороны – это битва небесных монархов, почему бы нам просто не сразиться с ними? Зачем начинать с пушечного мяса?

Тон мужчины был спокоен, но его жажда боя резко возросла.

Сияющий Император потрясённо спросил:

– Сейчас?

– Нам действительно нужно выбирать подходящее время для драки?

Император некоторое время молчал, прежде чем внезапно расхохотаться:

– Вы правы.

Его лицо расслабилось, на нём больше не было той тяжести и напряжения, какие он показывал при своём появлении. Необъятная аура мужчины была пронизана внушающей трепет сущностью истинного правителя.

– Поскольку Монарх Чжан желает сражаться, я буду прикрывать вам тыл.

– Тогда я буду вынужден побеспокоить Ваше Величество.

Сияющий Император взмыл в воздух, взмахнув рукавами. Весь Город Откровений ожил вместе с ним, посылая потоки тёмного тумана в небо.

Над Дворцом Бесконечности в самом центре столицы воздух, насытившись чёрными прядями дыма, сгустился в очертания гигантской пушки. Почти осязаемое оружие медленно подняло дуло вверх, а основание опустило вниз. Закончив, оно выпустило в небеса длинную струю черного пламени.

Тёмные облака раскрылись подобно занавесу сцены, обнажая тусклое сияние пустоты и чёрного солнца!

Абсолютно непоколебимый, Чжан Боцянь взмыл в воздух и устремился прямо в пустоту подобно военному кораблю.

* * *

Континент Пустоты, Белый. Звуки выстрелов не прекращались.

Казалось, будто Цзюньду в принципе не чувствовал тяжести Могилы Сердца. Его внимание оставалось полностью сосредоточено на убийстве меченосцев одного за другим. Невероятная огневая мощь винтовки в сочетании с Истинным Выстрелом гарантировала, что каждое попадание будет совершено в жизненно важные органы врага. Юноша был неостановим на этом поле боя, даже маркизы падали от одного его выстрела.

В мгновение ока все высокозвёздные меченосцы, кроме двух, оказались убиты. Да и те живые были лишь графами.

Каждый громогласный выстрел сотрясал сердца экспертов Вечной Ночи. Меченосцы вовсе не были бесстрашны перед лицом смерти. Наоборот, никто из них в действительности не хотел умирать, потому что имел крайне большие перспективы на будущее. Когда седьмой высокозвёздный меченосец пал, их боевой дух полностью рухнул, и все они начали рассеиваться.

Четвёртый Чжао, однако, не перестал стрелять. Один из графов, уже сбежавший почти на километр, мгновенно обратился в небытие!

Под конец лишь горстке меченосцев удалось спастись. Их группа, прибывшая с таким величием и помпой, оказалась почти единолично уничтожена руками одного человека.

Всё ещё держа оружие в руке, Цзюньду огляделся и ясным голосом сказал:

– Обмен моей жизни на всех ваших меченосцев. А вы, похоже, наконец поумнели.

Все поле боя было тихим. Никто не сумел оправиться от битвы, что продлилась всего несколько мгновений, но потрясла всех до глубины души.

Меченосцы составляли основную силу молодого поколения Вечной Ночи. Возможно, среди них и не было никого, кто мог бы сравниться с Чжао Цзюньду, но большинство из них по славе и таланту не уступали Идену. Теперь, когда юноша уничтожил большую часть всего их отряда, Совет, несомненно, потерпел серьёзнейший ущерб.

Он убил не просто графов и маркизов, но и будущих герцогов и консулов совета, возможно, даже принцев и спикеров.

Никто не согласился бы на эту сделку, как сильно бы они ни жаждали жизни Чжао Цзюньду.

Дойл, тяжело раненный, бежал, оставив силы тёмных рас без лидера. Единственным, кто мог держать бразды управления, был Диггер, но, зная положение оборотня, у вампира вряд ли дела шли сильно лучше. Даже имей он силы сражаться, вице-герцог вряд ли сумеет победить могущественного врага.

Диггер не мог описать свои чувства при взгляде на парящего в воздухе подобно богу Чжао Цзюньду. Никто не осмеливался приблизиться к юноше, хотя все знали, что он может в любой момент взять и рухнуть.

Старый вампир мысленно вздохнул. Человеческая раса всегда показывала невообразимую силу, когда оказывалась в тяжелом положении. Бесчисленное множество людей возгоралось, дабы уничтожить врага вместе с собой, на протяжении всей истории. Эта решимость была тем самым фактором, что позволил людям создать устойчивый плацдарм посреди территорий тёмных рас.

И теперь Чжао Цзюньду вступал в ряды этих героев.

Четвертый Чжао был молод, красив, его изначальная сила была совершенна. Он сам был крайне выдающимся талантом и лишь ждал момента, чтобы совершить последний шаг в ранг божественного воителя. Он даже мог достичь царства небесного монарха раньше, чем то сделал Чжан Боцянь.

У такого молодого человека были безграничные перспективы на будущее. Однако он никогда не думал о том, чтобы сбежать от этой критической для войны битвы, он сражался до горького и кровавого конца. В конце концов, Цзюньду сжег свою жизненную силу и встретил смерть с полным спокойствием, попутно превратив лучших гениев Вечной Ночи в свои надгробные украшения.

Как можно было столь легко отказаться от блестящего будущего?

Вечная Ночь с самого начала сражения обладала абсолютным преимуществом, и гордые меченосцы шли на бой, ведомые своими собственными интересами. Кто из них стал бы ставить свою жизнь на кон? Если хотя бы половина из них бросилась вперед, когда Чжао Цзюньду открыл огонь, и развязала бой насмерть, всё столь бы плохо не развернулось.

В конце концов, никто и не предполагал, что юный мастер клана Чжао будет столь решительно настроен, что пожертвует собой ради победы.

Диггер не мог не задаться вопросом, о чем думал этот молодой человек. Как он мог так легко принять такое решение?

Как представители долгоживущей расы, вампиры наслаждались своим немалым сроком, но из-за него они также сильнее боялись смерти. Диггер сам крайне живо ощутил ужас сражений на грани гибели.

Увидев, что противников больше нет, Цзюньду, наконец, спокойно приземлился рядом с Цянь Е.

В этот момент путы Всеведущей Печати ослабли, но юноша остался неподвижен, как статуя. Он открыл рот и с большим трудом произнес одно слово:

– Ты… – больше он ничего не мог сказать.

Цзюньду громко рассмеялся:

– Когда я рядом, как я могу позволить моим младшим братьям и сестрам рисковать собой?

http://tl.rulate.ru/book/6036/1626838